
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА СУДЕБНЫМИ ОРГАНАМИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE JUDGES

УДК 347.9

DOI 10.24147/2542-1514.2017.1(2).191-206

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС: ТЕКУЩИЙ СТАТУС В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И СТРАН-УЧАСТНИЦ

В.В. Терехов

Вильнюсский университет, г. Вильнюс, Литва

Информация о статье

Дата поступления –
02 февраля 2017 г.

Дата принятия в печать –
20 апреля 2017 г.

Дата онлайн-размещения –
20 июня 2017 г.

Ключевые слова

Европейский гражданский процесс, стандарты судопроизводства, европейское пространство правосудия, Регламенты ЕС, Директивы ЕС, гармонизация законодательства, европеизация, трансграничное действие, сближение национальных норм, признание и исполнение решений

Европейский гражданский процесс является понятием в достаточной степени условным. Взгляды на сущность данного института характеризуются разнообразием: 1) особый (коммунитарный) режим международного частного права (или международного гражданского процесса); 2) средство сближения национальных норм гражданского процессуального права; 3) специальная система признания решений; 4) самостоятельная отрасль наднационального права; 5) совокупность всех или части из вышеприведенных качеств. Европейский гражданский процесс имеет двойственную природу. В собственном смысле слова это федеральное процессуальное право Европейского Союза. В более широком значении это совокупность тех правил, норм и принципов отправления правосудия, которые ЕС как федеративный центр принимает и для общефедерального, и для национального уровней судебной системы, обеспечивая единство пространства правосудия.

EUROPEAN CIVIL PROCEDURE: CURRENT STATUS WITHIN THE LEGAL SYSTEM OF THE EUROPEAN UNION AND ITS MEMBER STATES

Victor V. Terekhov

Vilnius University, Vilnius, Lithuania

Article info

Received – 2017 February 02

Accepted – 2017 April 20

Available online – 2017 June 20

Keywords

European Civil Procedure, standards of court proceedings, European area of justice, EU Regulations, EU Directives, harmonization of legislation, Europeanization, cross-border effect, approximation of national rules, recognition and enforcement of judgments

The purpose of the article is to provide a critical analysis of different approaches towards the notion of “European Civil Procedure”, to substantiate by means of legal and judicial practice, research papers a true essence and legal nature of the European Civil Procedure. The methodological basis for the study: general scientific methods (analysis, synthesis, comparison); private and academic (interpretation, comparison, formal-legal).

Problems and basic scientific results: the notion of “European Civil Procedure”, which describes the process of EU Member States judicial cooperation, bears largely a conventional character. It is not used officially by the organs and institutions of the EU, or its Member States. Moreover, it assumes an unjustified monopolization of the European discourse on the side of EU’s initiatives, although Europe is not limited to that association neither in geographical, nor in a legal sense. However, the given notion has become quite colloquial and does not cause any difficulties to the beneficiaries, and thus we may use the terms “European Civil Procedure” (ECP) and “Civil Procedure of the EU” (CP EU) as synonyms.

Different approaches towards the nature of the European Civil Procedure claim that it may be regarded as: (1) a separate (communitary) regime of Private International Law (or, oth-

erwise, International Civil Procedure); (2) means to approximate national rules of Civil Procedure; 3) a particular system of judicial decisions recognition; (4) an independent area of supranational law; 5) an aggregate of all or part of the qualities mentioned above.

The system of EU Civil Procedure constitutes “federal” procedural law of the Union that functions side-by-side national procedural rules. It governs those relations that go beyond the borders of one Member State, but not the EU itself. Relations between Member States and third nations are still generally out of the federal competence.

We need not to forget, however, that a genuine federal center does not only introduce centralized procedures, but also approves mandatory standards for all of the levels of the regulatory system (in other words, pursues *approximation*). A right of any federal state to exercise such competence does not find any questions due to supremacy of its authority. Still in the EU legal order the principle of its supremacy has a limited application and it is not obvious that the introduction of general norms for the Civil Procedure come within it. The existence of different standards of justice (28 national ones and one supranational) has a negative effect on the unity of the “area of justice”, making it illusory. In order to guarantee an equal level of judicial protection everywhere in the EU a procedural “bill of rights” is required, and it needs to be adopted at the “highest level” of the system.

Conclusions. The EU Civil Procedure has a dual nature. In its own (narrow) sense it is a body of federal procedural law of the EU that is applied when a cross-border situation of intra-community character comes into being. In a broader sense, it is also a combination of norms, rules and principles of justice that are adopted by the EU as a federal center for both community-wide and national levels of the judicial system in order to guarantee the unity to the area of justice. In the ideal case, the European area of justice has to be a coherent, unified and internally consistent system. Reality is, however, far from that image, since there are multiple problems of both legal and political nature that hinder the implementation of these brave ideas.

1. Понятие европейского гражданского процесса

Говоря о европейском пространстве правосудия и в целом о сотрудничестве стран-участниц друг с другом в сфере гражданского судопроизводства, необходимо отметить, что все чаще и активнее исследователями используется термин «европейский гражданский процесс». Упоминания о нем можно найти в западной научной литературе с момента принятия и вступления в силу Брюссельской конвенции 1968 г. [1; 2; 3, р. 25; 4, р. 12]. Вначале им обозначалась формируемая данным актом система подсудности и признания решений, а позднее – совокупность всех инициатив Европейского Экономического Сообщества / Европейского Союза и стран-участниц, имеющих процессуально-правовое содержание [5, р. 932; 6, р. 65–66]. Сам термин является не полностью корректным и в известной мере условным по двум причинам. Во-первых, он допускает неоправданную монополизацию «европейского дискурса» за инициативами Европейского Союза, хотя данным объединением «Европа» не ограничивается ни в географическом, ни в политическом, ни в социальном, ни в культурном, ни, тем более, в правовом смысле [7, р. 10]. Во-вторых, данный термин не используется органами и институтами самого ЕС, а

равно его странами-участницами. Официально та сфера, в которой принимаются процессуальные инструменты, именуется «судебным сотрудничеством по гражданским делам» или «европейским пространством правосудия» [4, р. 12–13]. Словосочетание же «европейский гражданский процесс» распространено, главным образом, в академической среде. Тем не менее рассматриваемое понятие достаточно прочно вошло в оборот, не вызывает затруднений у его пользователей, а потому представляется нам вполне допустимым. В дальнейшем мы будем использовать словосочетания «европейский гражданский процесс» (ЕГП) и «гражданский процесс ЕС» (ГП ЕС) как синонимы.

Однако если в методических целях и для удобства преподавания подобная совокупность норм может быть обособлена под отдельным названием, то существование ее как самостоятельного и целостного правового комплекса наталкивается на ряд трудностей. Что представляет собой «европейский гражданский процесс», каковы его предназначение, статус, структура? На эти и другие вопросы мы постараемся ответить ниже.

Как правило, источники этого нормативного образования споров не вызывают: к ним относят соответствующие положения учредительных догово-

ров и Хартии основных прав ЕС, Конвенции о правах человека и вторичного права ЕС. Кроме того, к числу источников вполне правомерно было бы отнести прецедентные решения Суда Европейского Союза и Европейского Суда по правам человека. Выделение иных, помимо чисто коммунитарных, источников, на наш взгляд, совершенно оправдано, поскольку даже с принятием Амстердамского и Лиссабонского договоров наднациональное правотворчество не стало единственной формой сближения (хотя и приобрело решающее значение). По-прежнему остались в силе Брюссельская и Луганская (реформированная) конвенции; кроме того, ЕС активно участвует в работе Гагской конференции по международному частному праву. Из этого мы видим, что наднациональное право ЕС так и не стало единственным механизмом сближения процессуального права в регионе.

2. Сущность ЕГП

Что же касается сущности гражданского процесса ЕС, то здесь не все так однозначно. По сути, все многообразие взглядов на европейский гражданский процесс можно свести к рассмотрению его как: 1) особого (коммунитарного) режима международного частного права (или международного гражданского процесса); 2) средства сближения национальных норм ГП; 3) специальной системы признания решений; 4) самостоятельной отрасли наднационального права (в противовес существующим национальным); 5) совокупности всех или части из вышеприведенных качеств.

2.1. ЕГП как международное частное право и/или международный гражданский процесс

Ряд авторов рассматривает ЕГП как особый режим общего (коммунитарного) международного частного права [8, р. 8; 9, р. 188; 10, с. 34]. При этом само международное частное право (далее – МЧП) в доктрине понимается как набор правил, вступающий в действие в том случае, когда правоотношение (в нашем случае – процессуальное) осложнено иностранным элементом. МЧП определяет, на каких условиях суд государства может принять к рассмотрению спор из такого правоотношения (подсудность, юрисдикция), какая система внутригосударственного права применима к правоотношению (применимое право), на каких условиях и в каком порядке может быть признано и исполнено решение зарубежного суда. Такой подход к содержанию МЧП распространен в западном правоведении [11, р. 1121–1122; 12, р. 76; 13, р. 131; 14, р. 20–21], где термин имеет значение, сходное с английским «коллизонным правом» (*conflict of laws*) [15, р. 3–5]. При

этом первый и третий из названных выше вопросов (подсудность и признание решений) иногда рассматривают отдельно как «международный гражданский процесс» (далее – МГП) [16, с. 11]. В восточноевропейской (евразийской) правовой традиции предмет МГП понимается шире и включает в себя процессуальное положение иностранных граждан и государств, исполнение судебных поручений зарубежных судов, процессуальные аспекты установления содержания иностранного права – словом, любые процессуальные нормы, которые регулируют отношения с иностранным элементом [17, с. 352; 18, с. 92].

На наш взгляд, вне зависимости от подхода к сущности МЧП/МГП (широкого или узкого), ГП ЕС не может рассматриваться как его часть, поскольку однозначно выходит за его рамки.

Во-первых, несмотря на свое название, МЧП/МГП является частью национального правопорядка (а не международного), находя закрепление преимущественно в процессуальных кодексах или отдельных законах и формируя отдельный институт права. Европейский же гражданский процесс является результатом законотворческой деятельности ЕС в процессуальной сфере [5, р. 932; 6, р. 65–66]. Некоторые авторы уже из одного этого факта делают вывод об особом характере европейского регулирования, не позволяющем отнести его к предмету МЧП/МГП [19, с. 197]. С нашей точки зрения, специфика источников сама по себе не свидетельствует об особом статусе ЕГП, поскольку и в классическом МЧП/МГП они многообразны – не только национальные нормы, но и международные соглашения. Однако правовое положение ЕС действительно значительно влияет на статус принимаемых им норм. Если для МЧП/МГП характерен «восходящий взгляд»: национальными (или имплементированными международными) нормами регулируются отношения, выходящие за рамки соответствующего правопорядка, – то нормами ЕГП (которые принимаются на наднациональном уровне), напротив, регулируются отношения, складывающиеся «на уровень ниже» (в национальном праве стран-участниц), т. е. речь идет о «нисходящем взгляде». Данный подход существенно отражается на философии принимаемых норм: в случае с европейским правом они были изначально предназначены для регулирования отношений в качественно однородной среде «единого рынка» (а ныне – уже в подлинно европейском пространстве правосудия). Такие отношения с

большой условностью можно назвать «отношениями с иностранным элементом», поскольку самой сутью единого пространства является стирание границ, провозглашение всего ЕС однородной в правовом отношении территорией, где лицо или правоотношение в другом государстве-участнике не является «чуждым», а просто подпадает под одновременное регулирование европейских и национальных норм (в рамках единого процессуального правопорядка) [20, р. 309]. В связи с этим данные отношения можно охарактеризовать как «внутрикоммунитарные» (*intra-Community*), а не «отношения с иностранным элементом».

Во-вторых, часть актов современного ЕГП не может быть предметно отнесена к МЧП/МГП [20, р. 330]. В период действия Брюссельской конвенции (и даже в первые годы действия «коммунитарного» режима) между этими понятиями еще можно было поставить знак равенства, поскольку в те времена круг регулируемых вопросов действительно не выходил за рамки коллизионного права. Однако, появившиеся позднее акты уже не вписывались в классическую триаду вопросов МЧП. Так, Директива 2008/52/ЕС о медиации, относящаяся к смежной с гражданским процессом отрасли (альтернативному разрешению споров), устанавливает понятия «медиатора» и «медиации», стандарты проведения медиативной процедуры, ее конфиденциальности и исполнимости итоговых соглашений (а не традиционные для международного гражданского процесса нормы о разграничении компетенции и признании актов)¹. Еще более заметным будет отличие от МЧП/МГП в ситуации с регламентами об автономных процедурах (актами «второго поколения»).

Данные акты вводят собственные правила судопроизводства и минимальные требования к национальным процессуальным правилам, тем самым обеспечивая высокое взаимное доверие. Эти регламенты не содержат норм о подсудности или применимом праве, вместо этого самостоятельно регулируя отношения сторон и суда [21, р. 124–125]. Вводимый ими режим представляет собой *собственное процессуальное право Союза*, а не набор отсылок к праву его стран-участниц [22, р. 31; 23, р. 1; 24, с. 20]. Другой особенностью является их «альтернативность» (опциональность): они применяются не

вместо национальных процедур, а *наряду* с ними, обеспечивая заявителю возможность выбора. При этом, если традиционно МЧП позволяет осуществить выбор в пользу одной из национальных правовых систем, то европейские нормы допускают обращение и к «наднациональному» праву ЕС как системе регулятивного, а не коллизионного права [22, р. 31]. Именно такая «субстантивность» ЕГП и позволяет провести его отграничение от МГП, частью которого оно не является. При этом со временем европейский законодатель может увеличить количество «европейских процедур» (используя тактику «последовательного сближения») [25, р. 223–224], что еще больше отдалит ЕГП от классического МГП.

Многие авторы отмечают, что именно с принятием отмеченных выше актов становится возможным говорить о возникновении «подлинно европейского гражданского процесса» [24, с. 20; 26, р. 465; 27, р. 18]. Действительно, эти акты впервые создали автономные общеевропейские средства правовой защиты (*remedies*), а значит, были адресованы непосредственно участникам спора, а не государствам. Ранее действовавшие регламенты (Брюссель I, Брюссель II-бис, о доказательствах и т. д.) все же являлись преимущественно инструкциями для государств: как определить подсудность дел своим судам, получить по запросу другого суда доказательство и т. д. Новые же акты устанавливали права и обязанности участников разбирательства, причем как для истца, так и для ответчика, в связи с чем создали «с нуля» немало процессуальных норм.

Вместе с тем, если придерживаться широкой трактовки предмета МЧП/МГП (любые отношения с иностранным элементом), то может оказаться, что «автономные» регламенты все же остаются в рамках его предмета (поскольку действуют только в «трансграничных спорах»). Однако здесь стоит отметить, что ограничение их сферы функционирования по сути зависело сугубо от воли европейского законодателя. На стадии подготовки законопроектов об автономных процедурах со стороны Комиссии поступали предложения о распространении действия данных процедур и на национальные дела в равной степени (путем расширительного толкования требования «трансграничности» в ст. 65/81 Договора)². Данные идеи были отклонены Советом и

¹ Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters // Official Journal of the European Union. 2008. L 136. P. 6–7.

² См.: Explanatory Memorandum to the Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a European Small Claims Procedure

Парламентом, в результате чего регламенты стали применимы только в делах с «непосредственными» трансграничными последствиями, когда соответствующая ситуация существует на момент подачи заявления в суд. В то же время, если дело впоследствии утратит такой характер, оно все равно может (и должно) быть рассмотрено в «общеевропейской» процедуре. Отсюда мы наглядно видим, что существующее требование «трансграничности» и его форма отражают баланс политических интересов в ЕС, а вовсе не являются сущностными качествами самих процедур. Потенциально они могут быть использованы для урегулирования любых отношений, в том числе и сугубо национальных.

В то же время нельзя не отметить, что задачей рассматриваемых актов было именно обеспечение признания и исполнения решений в отношениях между странами-участницами, а потому их потенциал именно как актов МЧП/МГП нельзя списывать со счетов. Фактически они призваны выполнять именно эту функцию, а не формировать полностью автономную систему разрешения споров в ЕС [28, р. 791]. Все процедуры и минимальные стандарты, которые ими устанавливаются в этом случае, носят лишь прикладной характер по отношению к главной цели. Однако регламенты второго поколения решают эту чисто «международную» проблему с использованием оригинального метода, не имеющего ничего общего с классическими коллизионными приемами [22, р. 31].

Вместе с тем в составе ЕГП есть и такие акты, которые вовсе не требуют «трансграничного элемента» для своего применения. Речь идет о директивах, принятых на основании ст. 114 Договора о функционировании ЕС (ранее – ст. 95), которые касаются в целом гармонизации национального права и подвергают сближению и нормы исключительно внутригосударственного действия [29, р. 12–19]. Одна из таких директив – о принудительном осуществлении прав в сфере интеллектуальной собственности. С момента ее принятия ст. 95/114 ис-

пользовалась для принятия и других актов, таких как Директива 2009/22/ЕС от 23 апреля 2009 г. о судебных запретах в целях защиты интересов потребителей³, 2013/11/EU от 21 мая 2013 г. об альтернативном разрешении споров с участием потребителей⁴, а также 2014/104/EU от 26 ноября 2014 г. об определенных правилах, регулирующих рассмотрение в соответствии с национальным правом споров о возмещении вреда за нарушение законодательства стран-участниц и ЕС о конкуренции⁵. Ничто не препятствует появлению в будущем и других «процессуальных Директив» со столь же широким территориальным действием [30, р. 1547]. Безусловно, подход таких актов не имеет ничего общего с МЧП/МГП, поскольку последнее применяется только к делам с иностранным элементом, тогда как директивы действуют повсеместно.

Итак, европейский гражданский процесс не может быть понят как составная часть или как особое соглашение в рамках МГП. Напротив, он включает в свой состав комплекс норм международного гражданского процесса (о юрисдикции, признании решений, вручении документов и получении доказательств), но не ограничивается ими, регулируя и другие аспекты гражданского процесса.

2.2. ЕГП как средство сближения национальных норм ГП

Подобный подход отвергает самостоятельное значение наднациональных норм ЕС в сфере ГП и рассматривает его исключительно как инструмент для выполнения прикладной задачи – гармонизировать и унифицировать нормы национального права стран-участниц [6, р. 67]. На каждом этапе интеграции перед ЕГП ставились задачи по гармонизации разных по объему и характеру норм национального права. Менялись взгляды идеологов европейской интеграции, а также инструменты (источники), которые содержали нормы, но неизменным оставалась их направленность на сближение национального права. В настоящее время перед ЕС стоит особо трудная задача по формированию комплексной и

(presented by the Commission). Brussels, 15.03.2005, COM(2005) 87 final, 2005/0020. P. 5–6 (para. 2.2.1).

³ Directive 2009/22/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on injunctions for the protection of consumers' interests // Official Journal of the European Union. 2009. L 110. P. 30–36.

⁴ Directive 2013/11/EU of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on alternative dispute resolution for consumer disputes and amending Regula-

tion (EC) No 2006/2004 and Directive 2009/22/EC // Official Journal of the European Union. 2013. L 165. P. 63–79.

⁵ Directive 2014/104/EU of the European Parliament and of the Council of 26 November 2014 on certain rules governing actions for damages under national law for infringements of the competition law provisions of the Member States and of the European Union // Official Journal of the European Union. 2014. L 349. P. 1–19.

непротиворечивой системы правосудия на наднациональном уровне, которая бы обеспечила гражданам и юридическим лицам ЕС сходные стандарты судебной защиты.

В связи с этим в науке возникли определенные сомнения в том, что деятельность ЕС в сфере ГП в принципе представляет собой сближение [30, р. 1540]. Особый повод для них дают альтернативные и автономные европейские процедуры. Действительно, «коммунитаризация» права, т. е. активное построение собственных норм права ЕС, начинает противопоставляться гармонизации национальных норм, т. е. разработке стандартов для их внедрения в национальное право государств-участников [31, р. 2]. Вместо последовательного внесения изменений во внутреннее право каждого из государств – участников ЕС происходит формирование автономного и все более самостоятельного нормативного массива *наднационального права*. В этом случае можно даже констатировать, что используемая ЕС тактика наднационального правотворчества не приводит на практике ни к какому сближению, поскольку национальное право не остается затронутым – принимаемые нормы остаются на общеевропейском уровне и действуют там подобно законам.

Сказанное в большей мере справедливо для регламентов, поскольку директивы все же имплементируются в национальное право и требуют от государств-участников издавать собственные акты, вводящие в действие европейские предписания и при необходимости конкретизирующие их. Однако в области гражданского процесса абсолютный перевес по числу принятых актов на стороне регламентов (актов прямого действия).

Особенно актуальна данная проблема для факультативных инструментов, поскольку они существуют параллельно с национальными актами и не требуют внесения в последние каких-либо изменений [6, р. 65–66]. Важно и то, что некоторые из вновь принимаемых общеевропейских процедур не имели аналогов в национальном праве и стали известны ему лишь со вступлением в силу соответству-

ющих регламентов – таким образом, на момент их принятия отсутствовал объект для сближения.

На наш взгляд, вышеизложенные аргументы не могут использоваться для выводов об отсутствии сближения процессуального права в ЕС. Даже если мы возьмем для анализа только общеевропейские автономные процедуры, то увидим, что учреждающие их регламенты являются факультативными для *истца (заявителя)*⁶. Он волен использовать одну из доступных в его деле наднациональных процедур либо обратиться к тем, что существуют в праве государства суда (*lex fori*). В то же время у государства нет подобной свободы усмотрения – если лицо желает, чтобы его дело было рассмотрено в соответствии, скажем, с процедурой по небольшим искам, и формальные требования удовлетворены, у судов государства-участника нет иного выбора, кроме как рассмотреть дело в рамках такой процедуры. В этом смысле предписания регламентов «второго поколения» являются для государств в той же мере обязательными, что и положения любого другого наднационального акта в сфере ГП. Государства (за исключением Дании, Великобритании и Ирландии, для которых действует особый политико-правовой режим участия в «пространстве правосудия») не вправе отказать от обязательности для них данных регламентов или оговорить свое участие в них какими-либо условиями. Такие акты действуют одновременно во всех странах, формируя сходное правовое регулирование, а потому речь идет именно о сближении. Данное сближение проявляется как в установлении единых процессуальных правил ведения процедуры, так и минимальных стандартов, гарантирующих соблюдение прав сторон.

Упомянутая ситуация – регулирование общественных отношений только наднациональным актом без его имплементации в праве государств-участников – характерна и для любого другого регламента и следует из самой сути данного акта («наднациональный закон» прямого действия)⁷. Более того, и директивы также получают «прямое действие» в результате нарушения государствами сроков по их имплементации⁸, а также при четкости

⁶ См.: Regulation (EC) No. 1896/2006. P. 3 (Art. 1(2)); Regulation (EC) No. 861/2007. P. 4 (Art. 1).

⁷ См.: Treaty on the Functioning of the European Union (Consolidated version) // Official Journal of the European Union. 2012. C 326. P. 171 (Art. 288).

⁸ См.: Judgment of the European Court of Justice of 5 April 1979, case no. 148/78 Criminal proceedings against Tullio Ratti (Reference for a preliminary ruling:

Pretura di Milano, Italy) // European Court Reports. 1979. P. 1641–1642 (paras. 20–24); Judgment of the European Court of Justice of 19 November 1991, cases nos. 6/90, 9/90 A. Francovich et al. v. Italian Republic (References for a preliminary ruling: Pretura di Vicenza and Pretura di Bassano del Grappa, Italy) // European Court Reports. 1991. Vol. I. P. 5357 (para. 11).

установленных ими норм, позволяющих положиться на них напрямую⁹. В таких условиях они по сути будут действовать аналогично регламентам.

Основные акты ЕС в сфере гражданского процесса – регламенты о подсудности и признании решений, о доказательствах и вручении документов – также действуют непосредственно, а не за счет принятия на их основе национальных мер (хотя отсылка к этим актам в праве государств-участников и допускается). Вместе с тем они являются именно унифицирующими и гармонизирующими инструментами, поскольку создают сходные правовые режимы и порядки регулирования процессуальных отношений для всех стран-участниц. То же самое справедливо и по отношению к регламентам об «автономных процедурах». Различие проявляется лишь в том, что с их принятием не исчезли национальные процедуры разбирательства аналогичных категорий дел (беспорных требований, исков с небольшой суммой и т. д.). Однако мы можем полагать, что формируемые на европейском уровне процедуры и не были задуманы как замена национальным, а призваны были вобрать все самое лучшее из них и создать новые порядки рассмотрения трансграничных исков. При этом сохранение на национальном уровне собственных способов рассмотрения споров и возможность их использования в равной мере для дел с иностранным элементом (например, достаточно популярный немецкий *Mahnverfahren* может составить действительную конкуренцию европейскому судебному приказу [27, р. 30–31]) является лишь расширением числа способов защиты истцом своих прав, а вовсе не «отсутствием необходимой гармонизации» данных правоотношений.

В конечном итоге ряд стран все же получает одинаковое (или сходное) регулирование. Тот факт, что источниками этого регулирования будут не национальные нормы, а нормы, существующие на наднациональном уровне, не должен иметь существенного значения, поскольку это лишь иной способ сближения, не влияющий на саму сущность данного процесса, а в большинстве случаев даже являющийся более эффективным, чем традиционные механизмы. В связи с этим согласимся с Л. Кадье, который заявлял, что лишь с появлением регламентов «второго поколения» становится возможным говорить о «подлинных» гармонизации и унификации

национального процессуального права в странах ЕС [32, р. 19].

2.3. ЕПП как специальная система признания и исполнения решений

Многими авторами заслуженно обращается внимание на то, что у ЕС самостоятельная, но достаточно ограниченная роль в сфере ГП [33, р. 457]. Он не может осуществлять повсеместного сближения процессуальных норм, но вынужден руководствоваться тем правовым базисом, который установлен для него в Договоре. Ныне действующий Договор о функционировании ЕС устанавливает, что к задачам ЕС осуществляется развитие судебного сотрудничества по трансграничным делам на основе *принципа взаимного признания*. Именно последний и определяет статус гражданского процесса в ЕС с самого момента его зарождения в ст. 220 Римского договора. Как тогда, так и сейчас ключевая проблема состояла в признании судебных и внесудебных решений одного государства на территории другого. Со временем государствам потребовалось расширить предмет «признания»: помимо решений по существу спора, стать объектами признания в тех или иных инструментах смогли предварительные и обеспечительные меры, мировые и медиативные соглашения, нотариальные акты и иные аутентичные документы.

Таким образом, на первом месте стоят вовсе не гармонизация или унификация, а «взаимное признание», которое, напомним, является иной тактикой [34, р. 89]. Сближение же носит прикладной характер и осуществляется там, где без него невозможно добиться эффективного признания, т. е. там, где требуется повышенное взаимное доверие государств [35, с. 121]. Те акты, которые на первый взгляд не посвящены «напрямую» взаимному признанию (о доступе к правосудию, вручении документов, получении доказательств за рубежом) в конечном итоге также косвенно служат его целям, поскольку делают такое признание возможным. Нами уже было указано в предыдущем параграфе, что тандем принципов «признание / доверие» позволил осуществить широкомасштабную гармонизацию процессуального права в ЕС [36, р. 637]. Однако и для нее есть свои пределы: европейский законодатель не сможет произвольно вторгаться в нацио-

⁹ Judgment of the European Court of Justice of 6 October 1970, case no. 9/70 Franz Grad v. Finanzamt Traunstein

(Reference for a preliminary ruling: Finanzgericht München, Germany) // European Court Reports. 1970. P. 838 (para. 10), 841.

нальные процессуальные системы, если это никаким образом не способствует развитию «взаимного признания» [37, р. 36].

2.4. ЕГП как «трансграничное процессуальное право»

В отличие от двух предыдущих точек зрения, настоящая рассматривает ЕГП в качестве самостоятельного нормативного образования, с присущими ему целями, задачами, принципами и системой источников. Многие авторы называют этот комплекс норм «трансграничным процессуальным правом» [8, р. 5], т. е. такой областью права, которая не входит в состав ни национального, ни международного права, а занимает промежуточное (наднациональное) положение. Иные полагают, что в настоящее время ЕГП еще не достиг подобного статуса, но в будущем вполне может стать целостной процессуальной системой для всей территории ЕС [38, р. 4]. Безусловно, суть данного подхода заключается в признании за ЕГП статуса обособленной отрасли права.

Возможность ЕС формировать собственные отрасли не была автоматически очевидной. С одной стороны, нормы права ЕС создаются международным объединением, а не национальным законодателем¹⁰. С другой же стороны, правопорядок ЕС занимает промежуточное положение между национальным и международным правом, а потому обладает чертами каждого из них [39, с. 3; 40, с. 44–45]. В связи с этим нет препятствий для того, чтобы признать возможным наличие в праве ЕС самостоятельных отраслей права [41, с. 232]. Это, однако, не означает само по себе, что «гражданский процесс» уже обрел подобный статус.

Как мы знаем, отрасль права является совокупностью однопорядковых и качественно обособленных норм, регулирующих определенный род общественных отношений [42, р. 430; 43, р. 212]. Любой совокупности норм для приобретения статуса отрасли необходимо как качественно отличаться от остального массива норм, так и иметь что-то общее, что позволяет говорить о ней как о едином целом. Но является ли ЕГП в должной мере «упорядоченным» и «обособленным»?

На наш взгляд, это зависит от того, как именно мы понимаем его назначение. Если мы хотим приравнять его к существующим национальным отрас-

лям ГП, то увидим, что круг вопросов, которые он регулирует, является достаточно узким, в нем присутствует большое число пробелов и отсылок к национальному праву [38, р. 4]. Тех норм, что дает нам ЕГП, не хватит для надлежащего проведения на их основе судебного заседания, вынесения решения и его исполнения. В этом смысле ЕГП намного уступает по полноте и целостности любой национальной отрасли и сам не может пониматься в сходном качестве [6, р. 68]. Но если взять за основу мысль о том, что ЕГП никогда не задумывался как аналог национальным отраслям, а скорее был призван служить выполнению описанных выше задач (гармонизации права и взаимному признанию судебных актов), то проблема будет решена. ЕГП сможет претендовать на отраслевой статус (при соблюдении прочих формальных требований к нему), но это будет отрасль наднационального права, со своими целями и задачами, а не «зеркальное отображение» внутригосударственного права.

2.5. Комплексное понимание сущности ЕГП

На наш взгляд, многообразие подходов к ЕГП существенно вредит как теоретикам, так и практикам, поскольку первых оно разобщает между собой и препятствует плодотворному обмену мнениями, а для вторых оно не может оперативно предложить действенных норм. Поскольку в упомянутых выше взглядах есть как истинные, так и ошибочные суждения, наиболее плодотворным будет, на наш взгляд, комплексная характеристика той совокупности норм, что именуется ЕГП.

3. ЕГП как федеральное и процессуальное право ЕС

Для ответа на вопрос о сущности ЕГП необходимо вначале прояснить статус самого ЕС. Как уже указывалось выше, особые качества этого объединения уже не позволяют отнести его к типичным международным организациям. В связи с этим отдельными авторами он рассматривается как особое федеративное государство (существующее или находящееся в стадии формирования) [44, р. 11; 45, р. 84; 46, с. 152], федерация государств, конфедерация, интеграционное объединение и т. д. [47, р. 14]. По нашему мнению, именно теория европейского федерализма [48, р. 277] могла бы пролить свет на сущность принимаемых им норм (как в сфере ГП, так

¹⁰ Droit processuel civil de l'Union / eds. L. Cadiet, E. Jeuland et S. Amrani-Mekki. Paris: LexisNexis, 2011. P. XVII.

и применительно к любой другой отрасли права) и порядок их действия.

Некоторые авторы против того, чтобы считать ЕС федерацией, поскольку он не является государством (а значит, не может иметь и федеративной природы) [49; 50, р. 53]. Подобная позиция распространена у идейных противников европейской интеграции за рубежом и «евроскептиков» в самом ЕС. Однако с научной точки зрения данная позиция не выглядит в должной мере обоснованной. Дело в том, что сам «федерализм» понимается как принцип организации власти, характеризующийся распределением полномочий, функций, задач и ресурсов между центром и составными частями [51, р. 8; 52, с. 211]. Федерацией же считается политико-правовое объединение, в котором такой принцип был реализован на практике. Подобная трактовка терминов означает, что нет необходимости в том, чтобы федерация понималась исключительно как форма национального государственного устройства [53, с. 11; 54, с. 54]. В науке уже достаточно давно существует точка зрения, что федерация может быть как внутригосударственной (*intrastate*), так и внешнегосударственной (*interstate*) [55, р. 2].

Даже если мы не можем назвать ЕС «федерацией» по формальным причинам (закрепленность термина за «федерациями-государствами»), это не препятствует его характеристике как «квазифедерации» [5, р. 931] и использованию к нему схожих методологических подходов (особенно когда мы говорим о распределении компетенции).

Современный ЕС вполне можно было бы назвать «наднациональной федерацией» или «федеративным образованием особого рода» [46, с. 148; 50, р. 42; 56, р. 30]. У него есть все необходимые атрибуты: «общефедеральные» и «локальные» (национальные) органы, разделение права на две части, наличие исключительных и совместных сфер ведения [57, р. 52], собственные законодательные, исполнительные и судебные органы, а также своя «Конституция»¹¹ (Договор о ЕС и Договор о функционировании ЕС), которую может толковать исключительно Суд Справедливости (также являющийся самостоятельным органом Евросоюза). Не является проблемой и

ограниченность полномочий ЕС, поскольку на практике известны как *сильные*, так и *слабые* федерации (различающиеся по объему компетенции на федеральном и локальном уровне). Кроме того, система права ЕС постоянно развивается в направлении централизации, в том числе и в таких консервативных областях, как гражданский процесс.

Аналогично другим существующим федерациям, в ЕС можно выделить два уровня: *субъектов федерации* (которыми являются отдельные суверенные государства-участники) и *общефедеральный* (пространство права ЕС). Действующее разграничение полномочий заключается в том, что сугубо национальные аспекты гражданского процесса (практически все, что касается судебного разбирательства и исполнения итогового решения) остаются на первом из обозначенных уровней, а второй уровень оказывается задействован, когда есть правоотношение, затрагивающее юрисдикцию более одного государства («трансграничное дело»).

Таким образом, то, что мы называем «европейским гражданским процессом», по сути дела является «общефедеральной отраслью», которая необходима для решения проблем, общих для членов такой федерации [58]. В данном случае использование термина «отрасль» для характеристики ЕГП вполне правомерно, поскольку мы не пытаемся придать ему те же качества, какими обладает национальный гражданский процесс. В силу своего положения «на федеральном уровне» у ЕГП свои собственные задачи, с которыми он справляется в рамках предусмотренной компетенции.

Схожая ситуация складывается и в государственных федерациях (США, ФРГ) [59, р. 7]. В них каждый из субъектов федерации, а также федерация в целом имеют собственные вполне самостоятельные системы ГП [60, с. 412]. Так, в США суды штатов рассматривают подавляющее большинство дел, а федеральные оказываются задействованы, когда необходимо применение федерального законодательства (дела, выходящие за рамки юрисдикции одного штата, и те, что федеральный законодатель специально отнес предметно к федеральной компетенции). Что же касается взаимодействия между со-

¹¹ Opinion of the European Court of Justice of 26 April 1977, case no. 1/76 Opinion given pursuant to Article 228 (1) of the EEC Treaty 'Draft Agreement establishing a European laying-up fund for inland waterway vessels' // European Court Reports. 1977. P. 741 (para. 12);

Judgment of the European Court of Justice of 23 April 1986, case no. 294/83 Parti écologiste "Les Verts" v. European Parliament (Action for annulment) // European Court Reports. 1986. P. 1339 (para. 23).

бой судебных систем штатов, то для них в американском праве была разработана доктрина “*full faith and credit*”, схожая с европейским принципом «взаимного признания» и равным образом опосредующая признание штатами решений друг друга [59, р. 4].

В то же время нельзя не увидеть и фундаментальных различий. В ЕС есть «национальное» и «федеральное» (представленное процессуальными регламентами и директивами) процессуальное право, но нет специальных судов для применения последнего. В итоге суды государств-участников одновременно выполняют роль и «национальных», и «европейских» органов правосудия [37, р. 23–24; 61, р. 24]. В связи с этим возникает потребность в добавочном принципе «взаимного доверия», который не провозглашается в США, поскольку там отношения строятся на императивных началах и федеральная власть в силу субординации выносит преобладающие решения. В ЕС же необходимы дополнительные гарантии того, что суд другого государства будет реализовывать именно «федеральную», а не внутринациональную норму. Иными словами, принцип взаимного доверия необходим, чтобы легитимировать национальный суд в качестве общеевропейского [62, с. 9]. Он гарантирует, что выносится именно акт общеевропейского правосудия, подчиняя национальные судебные органы общеевропейским стандартам.

Другое отличие состоит в том, что в США в каждом конкретном случае применяется или право штатов, или федеральное, но не то и другое сразу. В ЕС же, даже если ситуация относится к «федеральной», многие из наднациональных норм содержат отсылки к внутреннему праву государств-участников. С нашей точки зрения, это свидетельствует о несколько ином распределении компетенции, в частности об отнесении практически всех вопросов судопроизводства и исполнения к ведению национального права. Это вполне объяснимо тем фактом, что в ЕС «федеральные суды» отсутствуют, а национальным проще и эффективнее действовать в соответствии с уже имеющимися процедурами, полагаясь при этом на унифицированные на наднациональном уровне нормы только в тех случаях, когда того требует ситуация.

Итак, система ЕПП представляет собой «федеральное» гражданское процессуальное право ЕС, которое существует наравне с национальными отраслями и посвящено (в силу распределения учреди-

тельными договорами компетенции) вполне конкретным вопросам. Отсюда возникает вопрос: каково же пространство действия «федерального» ГП ЕС?

Прежде всего оно регулирует отношения, выходящие за рамки одного государства-участника, но не ЕС в целом. Отношения между странами-участницами и третьими государствами по-прежнему преимущественно остаются вне федерального ведения. Из всех «трансграничных» отношений ЕС регулирует лишь те, которые поименованы в ст. 81 ДФЕС, хотя ее творческое толкование (в особенности п. «f» ч. 2, повествующего об «устранении препятствий для надлежащего функционирования гражданского судопроизводства») позволяет расширять предметную сферу принимаемых мер до внушительных пределов. В сущности, большая часть трансграничных взаимодействий судебных органов в настоящее время так или иначе опосредуется нормами права ЕС.

Однако, нельзя забывать и о том, что истинный федеральный центр не только вводит в действие централизованные процедуры, но и утверждает для всех уровней нормативной системы общеобязательные стандарты (т. е. проводит *сближение*). Право любого федеративного государства осуществлять подобную деятельность не вызывает вопросов в силу верховенства его власти. В ЕС же применение принципа верховенства носит ограниченный характер и далеко не очевидно, что к его компетенции относится формулирование общих норм ГП ЕС. Во многом это обусловлено и тем, что стандарты, о которых идет речь, включают в себя основные принципы правосудия, а ЕС не может быть понят как надлежащий субъект для их императивного установления хотя бы в силу присущего ему «дефицита демократии» [63, р. 556–557; 64, р. 61]. Тем не менее наличие разных стандартов отправления правосудия (28 национальных и одного наднационального) отрицательно сказывается на единстве «пространства правосудия», делая его иллюзорным. Если мы на деле хотим равного уровня гарантий судебной защиты на всем пространстве ЕС, совершенно очевидно, что требуется «процессуальный билль о правах», который может быть утвержден только на «верхнем уровне» системы. Поскольку компетенция ЕС в этом вопросе не определена *непосредственно*, он ищет другие способы утвердить свой приоритет: через принятие директив на основании ранее упомянутой ст. 114, использование

инструментов «мягкого права» (например, рекомендаций, как в случае с коллективными исками¹², или общих «принципов» или «правил» судопроизводства, из которых наиболее известным и перспективным является совместный проект Европейского института права (*European Law Institute, ELI*) и УНИДРУА (*UNIDROIT*) [3, р. 25]).

Суммируя вышесказанное, мы можем установить, что ЕГП имеет двойственную природу. В собственном (узком) смысле слова это *федеральное процессуальное право ЕС*, применимое в силу характера распределения компетенции к трансгранич-

ным отношениям внутрикоммунитарного характера. В более широком значении это также совокупность тех правил, норм и принципов отправления правосудия, которые ЕС как федеративный центр принимает как для общефедерального, так и национального уровней судебной системы, с тем чтобы обеспечить единство пространства правосудия. В идеале европейское пространство правосудия должно быть целостной, единой и внутренне непротиворечивой системой. Реальность, тем не менее, далека от этого, поскольку существует немало проблем как правового, так и политического характера, препятствующих реализации задуманных идей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Freudenthal M. The Future of European Civil Procedure / M. Freudenthal // *Electronic Journal of Comparative Law*. – 2003. – Vol. 7.5. – URL: <http://www.ejcl.org/ejcl/75/art75-6.html> (дата обращения: 26.01.2014).
2. Kramer X.E. Cross-Border Enforcement in the EU: Mutual Trust Versus Fair Trial? Towards Principles of European Civil Procedure / X.E. Kramer // *International Journal of Procedural Law*. – 2011. – Vol. 2. – P. 202–230.
3. Mańko R. Europeanisation of Civil Procedure: towards Common Minimum Standards? / R. Mańko // *European Parliamentary Research Service*. – 2015. – P. 1–29.
4. Šinová R. Handbook of European Civil Procedure Law / R. Šinová, L. Valentová. – Olomouc, 2012. – 175 p.
5. Juenger F. Some Comments on European Procedural Harmonization / F. Juenger // *American Journal of Comparative Law*. – 1997. – Vol. 45(4). – P. 931–937.
6. van der Grinten P. Challenges for the Creation of a European Law of Civil Procedure / P. van der Grinten // *Civil Justice Review*. – 2007. – Vol. 3. – P. 65–70.
7. Storskrubb E. Civil Procedure and EU Law: a Policy Area Uncovered / E. Storskrubb. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 184 p.
8. Hess B. The Integrating Effect of European of European Civil Procedure Law / B. Hess // *European Journal of Law Reform*. – 2002. – Vol. 4. – P. 3–17.
9. Nekrošius V. Europos Sąjungos civilinio proceso teisė (pirma dalis) / V. Nekrošius. – Vilnius: Justitia, 2009. – 304 p.
10. Гребенцов А.М. Унификация правил подсудности гражданских дел международного характера в странах Европы / А.М. Гребенцов // *Арбитражный и гражданский процесс*. – 2003. – № 1. – С. 34–44.
11. Stewart D. Private International Law: a Dynamic and Developing Field / D. Stewart // *University of Pennsylvania Journal of International Law*. – 2009. – Vol. 30(4). – P. 1121–1131.
12. Kontrauskas R. Tarptautinis civilinis procesas: samprata ir vieta nacionalinės teisės sistemoje / R. Kontrauskas // *Jurisprudencija*. – 2008. – № 7(109). – P. 70–75.
13. Bayraktaroglu G. Harmonization of Private International Law at Different Levels: Communitarization v. International Harmonization / G. Bayraktaroglu // *European Journal of Law Reform*. – 2003. – Vol. 5. – P. 111–150.
14. Bogdan M. Private International Law as Component of the Law of the Forum: General Course / M. Bogdan. – Hague: Hague Academy of International Law, 2012. – 352 p.
15. Collier J. Conflict of Laws / J. Collier. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 403 p.
16. Жарко А.Л. Признание и исполнение иностранных судебных решений в Англии: дис. ... канд. юрид. наук / А.Л. Жарко. – М., 2006. – 187 с.

¹² Commission Recommendation 2013/396/EU of 11 June 2013 on common principles for injunctive and compensatory collective redress mechanisms in the

Member States concerning violations of rights granted under Union Law // *Official Journal of the European Union*. 2013. L 201. P. 60–65.

17. Богуславский М.М. Международное частное право: учебник / М.М. Богуславский. – М.: Юрист, 2005. – 604 с.
18. Саенко А.В. Источники международного гражданского процессуального права / А.В. Саенко // Пробелы в российском законодательстве. – 2012. – № 3. – С. 92–95.
19. Салма М. О эволюции концепта европейского гражданского процессуального права / М. Салма // Сборник трудов Правного факультета у Новом Саду. – 2007. – № 1–2. – С. 187–198.
20. Storskrubb E. Civil Justice – a Newcomer and an Unstoppable Wave / E. Storskrubb // The Evolution of EU Law / Eds.: G. de Búrca, P. Craig. – Oxford: Oxford University Press, 2011. – P. 309–330.
21. Kramer X.E. Harmonizing of Civil Procedure and the Interaction with Private International Law / X.E. Kramer // Civil Litigation in a Globalising World / Eds.: X.E. Kramer, C.H. van Rhee. – Hague: Asser press: Springer, 2012. – P. 121–139.
22. Boele-Woelki K. Unifying and Harmonizing Substantive Law and the Role of Conflict of Laws / K. Boele-Woelki. – Leiden: Brill, 2010. – 288 p.
23. Kramer X. Towards ELI-UNIDROIT Model Rules of Civil Procedure: Basic Premises and Challenges / X. Kramer // Bay Area Civil Procedure Forum, Hastings (San Francisco), 19 April 2016.
24. Крымский Д.И. Упрощенные производства в гражданском процессе зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.И. Крымский. – М.: МГУ, 2011. – 26 с.
25. Kramer X. The Structure of Civil Proceedings and Why it Matters: Exploratory Observations on Future ELI-UNIDROIT European Rules of Civil Procedure / X. Kramer // Uniform Law Review. – 2014. – Vol. 19(2). – P. 218–238.
26. Guinchard E. L'Europe, la procédure civile et le créancier: l'injonction de payer européenne et la procédure européenne de règlement des petits litiges / E. Guinchard // Revue trimestrielle de droit commercial et de droit économique. – 2008. – P. 465–483.
27. Kramer X. Enhancing Enforcement in the European Union. The European Order for Payment Procedure and its Implementation in the Member States, Particularly in Germany, the Netherlands and England / X. Kramer // Enforcement and Enforceability. Tradition and Reform / Eds.: C.H. van Rhee, A. Uzelac. – Portland: Intersentia, 2010. – P. 17–40.
28. Nekrošius V. Europos Sąjungos sumariniai procesai - ar esame kelyje į bendrą Europos Sąjungos civilinį procesą? / V. Nekrošius // Teisė besikeičiančioje Europoje. Liber Amicorum Pranas Kūris. – Vilnius: Mykolo Romerio universitetas, 2008. – P. 787–798.
29. Kramer X. Procedure Matters: Construction and Deconstruction in European Civil Procedure / X. Kramer. – Rotterdam, 2013. – 30 p.
30. Tulibacka M. Europeanization of Civil Procedures: in Search of a Coherent Approach / M. Tulibacka // Common Market Law Review. – 2009. – Vol. 4. – P. 1527–1565.
31. Reding V. Strengthening Mutual Trust: Towards a True European Area of Civil Justice: Public Lecture. Max Planck Institute Luxembourg (MPIL). Luxembourg. 25 March 2014. – P. 1–4.
32. Droit processuel civil de l'Union Européenne / Eds.: L. Cadiet, E. Jeuland et S. Amrani-Mekki. – Paris: Lexis Nexis, 2011. – 350 p.
33. Basedow J. The Communitarisation of Private International Law – Introduction / J. Basedow // Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht. – 2009. – Vol. 73. – P. 455–460.
34. Storme M. A Single Civil Procedure for Europe: A Cathedral Builders' Dream / M. Storme // Ritsumeikan Law Review. – 2005. – № 22. – P. 87–100.
35. Капустин А.Я. Международно-правовые основы институциональной системы евразийской интеграции / А.Я. Капустин // Журнал российского права. – 2013. – № 10. – С. 116–121.
36. Nicolae-Horia T. How Far Have We Reached in European Cooperation in Civil Matters? A View on European Enforcement / T. Nicolae-Horia // CES Working Papers. – 2015. – Vol. VII(2A). – P. 637–647.
37. Vernadaki Z. EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty: Perspectives for a Coherent Approach: PhD Thesis. – London: University College London, 2013. – 296 p.
38. Loredo M. ¿Hacia un Derecho procesal europeo? / M. Loredo // InDret. – 2006. – Vol. 1. – P. 1–24.
39. Чевичалова Ж.В. Уніфікація колізійних норм у праві Європейського Союзу / Ж.В. Чевичалова // Теорія і практика правознавства. – 2013. – Т. 2, № 4.

40. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека / под ред. Л.М. Энтина. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.

41. Михалева Т.Н. О целевых установках в контексте формирования интеграционного права (на примере Европейского союза и Евразийского сообщества) / Т.Н. Михалева // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сб. науч. тр. – Вып. 5. – Минск: БГУ, 2013. – С. 231–238.

42. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма, 2001. – 520 с.

43. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 2002. – 520 с.

44. Dossenrode S. Approaching the European Federation? / S. Dossenrode. – London: Routledge, 2007. – 232 p.

45. Scutaru M.S. Globalization and Interregionalism / M.S. Scutaru // Research and Science Today. – 2014. – Vol. 7(1). – P. 81–88.

46. Постникова Е.В. Федерализм в международном частном праве Европейского Союза / Е.В. Постникова, Ж. Эйманн // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 4. – С. 147–164.

47. Schmitter P. Examining the Present Euro-Polity with the Help of Past Theories / P. Schmitter // Governance in the European Union / Eds.: G. Marks et al. – London: SAGE Publ., 1996. – P. 1–15.

48. Brand R. The European Union's New Role in International Private Litigation / R. Brand // Loyola University Chicago International Law Review. – 2005. – Vol. 2(2). – P. 277–293.

49. Moravcsik A. Federalism in the European Union: Rhetoric and Reality / A. Moravcsik // The Federal Vision: Legitimacy and Levels of Governance in the United States and the European Union / Ed. by K. Nicolaidis, R. Howse. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 163–164.

50. Tömmel I. The European Union – a Federation sui generis? / I. Tömmel // The EU and Federalism: Politics and Policies Compared / Ed.: F. Laursen. – Farnham: Ashgate, 2011. – P. 41–56.

51. Bideleux R. Introduction: European Integration and Disintegration / R. Bideleux // European Integration and Disintegration: East and West / Eds.: R. Bideleux, R. Taylor. – London: Routledge, 2002. – P. 1–9.

52. Побединский И.М. Роль федерализма в теории европейской интеграции / И.М. Побединский // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 67. – С. 210–215.

53. Бойко Ю.П. Концептуальные основы федерализма в юридической науке / Ю.П. Бойко // Юридическая наука. – 2011. – № 3. – С. 8–11.

54. Прохоров А.В. О некоторых аспектах рассмотрения федеративных государств и союзных образований античности и средневековья // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 3(34). – Ч. II. – С. 52–54.

55. Burgess M. Federalism and the European Union: the Building of Europe (1950–2000) / M. Burgess. – London: Routledge, 2002. – 290 p.

56. Wolinetz S. Comparing the Incomparable: Treating the EU in Comparative Context / S. Wolinetz // The EU and Federalism: Politics and Policies Compared / Ed.: F. Laursen. – Farnham: Ashgate, 2011. – P. 27–39.

57. Kelmen R. Build to Last? The Durability of EU Federalism / R. Kelmen // Making History: State of the European Union / Eds.: S. Meunier, K. McNamara. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 51–66.

58. Бер Ф. Унифицированное и гармонизированное европейское право и его влияние на третьи государства / Ф. Бер // Балтийский регион. – 2011. – № 3. – С. 13–24.

59. Ваца W.M.K. The Principle of Mutual Recognition of Judicial Decisions in EU Law in the Light of the 'Full Faith and Credit' Clause of the US Constitution / W.M.K. Ваца. – URL: <http://www.comunidadandina.org/BDA/docs/CAN-INT-0061.pdf> (дата обращения: 21.12.2015).

60. Гетьман-Павлова И.В. Международное частное право: учебник / И.В. Гетьман-Павлова. – М.: Эксмо, 2005. – 752 с.

61. Gorywoda L. Introduction: Market Regulation, Judicial Cooperation and Collective Redress / L. Gorywoda, N. Hatzimihail, A. Nuyts // Cross-Border Class Actions: The European Way / Eds.: A. Nuyts, N. Hatzimihail. – Munich: Sellier European Law Publishers, 2013. – P. 1–58.

62. Михайлова С.А. Правовое регулирование сотрудничества судебных органов по гражданским, торговым и семейным делам в рамках Европейского Союза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 25 с.

63. Follesdal A. Why There is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik / A. Follesdal, S. Hix // Journal of Common Market Studies. – 2006. – Vol. 44(3). – P. 533–562.

64. Jano D. Understanding the “EU Democratic Deficit”. A Two Dimension Concept on a Three Level-of-analysis / D. Jano // *Politikon: The IAPSS Journal of Political Science*. – 2008. – Vol. 14(1). – P. 57–70.

REFERENCES

1. Freudenthal M. The Future of European Civil Procedure. *Electronic Journal of Comparative Law*, 2003, Vol. 7.5. Available at: <http://www.ejcl.org/ejcl/75/art75-6.html> (Date of access: 26.01.2014).
2. Kramer X.E. Cross-Border Enforcement in the EU: Mutual Trust Versus Fair Trial? Towards Principles of European Civil Procedure. *International Journal of Procedural Law*, 2011, Vol. 2, pp. 202–230.
3. Maňko R. *Europeanisation of Civil Procedure: towards Common Minimum Standards?* European Parliamentary Research Service, 2015. 29 p. Available at: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/559499/EPRS_IDA%282015%29559499_EN.pdf. DOI: 10.2861/670.
4. Šinová R., Valentová L. *Handbook of European Civil Procedure Law*. Olomouc, 2012. 175 p.
5. Juenger F. Some Comments on European Procedural Harmonization. *American Journal of Comparative Law*, 1997, vol. 45(4), pp. 931–937.
6. van der Grinten P. Challenges for the Creation of a European Law of Civil Procedure. *Civil Justice Review*, 2007, vol. 3, pp. 65–70.
7. Storskrubb E. *Civil Procedure and EU Law: a Policy Area Uncovered*. Oxford, Oxford University Press, 2008. 184 p.
8. Hess B. The Integrating Effect of European of European Civil Procedure Law. *European Journal of Law Reform*, 2002, vol. 4, pp. 3–17.
9. Nekrošius V. *Europos Sąjungos civilinio proceso teisė (pirma dalis)*. Vilnius, Justitia Publ., 2009. 304 p.
10. Grebentsov A.M. The unification of rules of jurisdiction of civil cases of an international character in Europe. *Arbitražny i grazhdanskii protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2003, no. 1, pp. 34–44. (in Russ.).
11. Stewart D. Private International Law: a Dynamic and Developing Field. *University of Pennsylvania Journal of International Law*, 2009, vol. 30(4), pp. 1121–1131.
12. Kontrauskas R. Tarptautinis civilinis procesas: samprata ir vieta nacionalinės teisės sistemoje. *Jurisprudencija*, 2008, no. 7(109), pp. 70–75.
13. Bayraktaroglu G. Harmonization of Private International Law at Different Levels: Communitarization v. International Harmonization. *European Journal of Law Reform*, 2003, vol. 5, pp. 111–150.
14. Bogdan M. *Private International Law as Component of the Law of the Forum: General Course*. Hague, Hague Academy of International Law, 2012. 352 p.
15. Collier J. *Conflict of Laws*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 403 p.
16. Zharko A.L. *Recognition and enforcement of foreign judgments in England*, Cand. Diss. Moscow, 2006. 187 p. (in Russ.).
17. Boguslavskiy M.M. *Private International law*. Moscow, Yurist Publ., 2005. 604 p. (in Russ.).
18. Saenko A.V. Sources of the international civil procedural law. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*, 2012, no. 3, pp. 92–95. (in Russ.).
19. Salma M. On the evolution of the concept of European law of civil procedure. *Collected papers of Novi Sad Faculty of Law*, 2007, no. 1–2, pp. 187–198. (in Serbian).
20. Storskrubb E. Civil Justice – a Newcomer and an Unstoppable Wave, in: de Búrca G., Craig P. (eds.). *The Evolution of EU Law*. Oxford, Oxford University Press, 2011, pp. 309–330.
21. Kramer X.E. Harmonizing of Civil Procedure and the Interaction with Private International Law, in: Kramer X.E., van Rhee C.H. (eds.). *Civil Litigation in a Globalising World*. Hague, Asser press, Springer, 2012, pp. 121–139.
22. Boele-Woelki K. *Unifying and Harmonizing Substantive Law and the Role of Conflict of Laws*. Leiden, Brill, 2010. 288 p.
23. Kramer X. Towards ELI-UNIDROIT Model Rules of Civil Procedure: Basic Premises and Challenges. *Bay Area Civil Procedure Forum*, Hastings (San Francisco), 19 April 2016.
24. Krymskiy D.I. *The simplified productions in civil process of foreign countries*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2011. 26 p. (in Russ.).

25. Kramer X. The Structure of Civil Proceedings and Why it Matters: Exploratory Observations on Future ELI-UNIDROIT European Rules of Civil Procedure. *Uniform Law Review*, 2014, vol. 19(2), pp. 218–238.
26. Guinchard E. L'Europe, la procédure civile et le créancier: l'injonction de payer européenne et la procédure européenne de règlement des petits litiges. *Revue trimestrielle de droit commercial et de droit économique*, 2008, pp. 465–483.
27. Kramer X. Enhancing Enforcement in the European Union. The European Order for Payment Procedure and its Implementation in the Member States, Particularly in Germany, the Netherlands and England, in: van Rhee C.H., Uzelac A. (eds.). *Enforcement and Enforceability. Tradition and Reform*. Portland, Intersentia, 2010, pp. 17–40.
28. Nekrošius V. Europos Sąjungos sumariniai procesai - ar esame kelyje į bendrą Europos Sąjungos civilinį procesą?, in: *Teisė besikeičiančioje Europoje. Liber Amicorum Pranas Kūris*. Vilnius, Mykolo Romerio universitetas, 2008, pp. 787–798.
29. Kramer X. *Procedure Matters: Construction and Deconstruction in European Civil Procedure*. Rotterdam, 2013. 30 p.
30. Tulibacka M. Europeanization of Civil Procedures: in Search of a Coherent Approach. *Common Market Law Review*, 2009, vol. 4, pp. 1527–1565.
31. Reding V. *Strengthening Mutual Trust: Towards a True European Area of Civil Justice*, Public Lecture. Luxembourg, Max Planck Institute Luxembourg (MPIL), 25 March 2014.
32. Cadiet L., Jeuland E., Amrani-Mekki S. (eds.). *Droit processuel civil de l'Union Européenne*. Paris, Lexis Nexis, 2011. 350 p.
33. Basedow J. The Communitarisation of Private International Law – Introduction. *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht*, 2009, vol. 73, pp. 455–460.
34. Storme M. A Single Civil Procedure for Europe: A Cathedral Builders' Dream. *Ritsumeikan Law Review*, 2005, no. 22, pp. 87–100.
35. Kapustin A.Ya. International Law Foundations of the Institutional System of Eurasian Integration. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2013, no. 10, pp. 116–121. (in Russ.).
36. Nicolae-Horia T. How Far Have We Reached in European Cooperation in Civil Matters? A View on European Enforcement. *CES Working Papers*, 2015, vol. VII, iss. 2A, pp. 637–647.
37. Vernadaki Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty: Perspectives for a Coherent Approach*, PhD Thesis. London, University College London, 2013. 296 p.
38. Loredó M. ¿Hacia un Derecho procesal europeo? *Indret*, 2006, vol. 1, pp. 1–24.
39. Chevychalova Zh. Unification of conflict norms in European Union law. *Teorija i praktika pravoznavstva = Theory and practice of jurisprudence*, 2013, vol. 2, no. 4. (in Ukrainian).
40. Entin L.M. (ed.). *European law. European Union law and the legal protection of human rights*. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 960 p. (in Russ.).
41. Mikhaleva T.N. On target installations in the context of development of integration law (for example, the European Union and the Eurasian community), in: *Actual problems of international public and international private law*, scientific collection. Minsk, BSU Publ., 2013, vol. 5, pp. 231–238. (in Russ.).
42. Nersesyants V.S. *General theory of law and state*. Moscow, Norma Publ., 2001. 520 p. (in Russ.).
43. Lazarev V.V. (ed.). *General theory of law and state*. Moscow, Yurist Publ., 2002. 520 p. (in Russ.).
44. Dossenrode S. *Approaching the European Federation?* London, Routledge, 2007. 232 p.
45. Scutaru M.S. Globalization and Interregionalism. *Research and Science Today*, 2014, vol. 7(1), pp. 81–88.
46. Postnikova E.V., Heymann J. Federalism in International Private Law of European Union. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2015, no. 4, pp. 147–164. (in Russ.).
47. Schmitter P. Examining the Present Euro-Polity with the Help of Past Theories, in: Marks G., Scharpf F.W. et al. (eds.). *Governance in the European Union*. London, SAGE Publ., 1996, pp. 1–15.
48. Brand R. The European Union's New Role in International Private Litigation. *Loyola University Chicago International Law Review*, 2005, vol. 2(2), pp. 277–293.
49. Moravcsik A. Federalism in the European Union: Rhetoric and Reality, in: Nicolaidis K., Howse R. (eds.). *The Federal Vision: Legitimacy and Levels of Governance in the United States and the European Union*. Oxford, Oxford University Press, 2001, pp. 163–164.

50. Tömmel I. The European Union – a Federation *sui generis*?, in: Laursen F. (ed.). *The EU and Federalism: Politics and Policies Compared*. Farnham, Ashgate, 2011, pp. 41–56.
51. Bideleux R. Introduction: European Integration and Disintegration, in: Bideleux R., Taylor R. (eds.). *European Integration and Disintegration: East and West*. London, Routledge, 2002, p. 1–9.
52. Pobedinskii I. Federalism's role in European integration theory. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, 2008, no. 67, pp. 210–215. (in Russ.).
53. Boiko Yu.P. The conceptual basis of federalism in the legal science. *Yuridicheskaya nauka = Juridical Science*, 2011, no. 3, pp. 8–11. (in Russ.).
54. Prokhorov V.A. About some aspects of consideration of federal states and allied formations of Antiquity and the Middle Ages. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya = Almanac of Modern Science and Education*, 2010, no. 3(34), pt. II, pp. 52–54. (in Russ.).
55. Burgess M. *Federalism and the European Union: the Building of Europe (1950-2000)*. London, Routledge, 2002. 290 p.
56. Wolinetz S. Comparing the Incomparable: Treating the EU in Comparative Context, in: Laursen F. (ed.). *The EU and Federalism: Politics and Policies Compared*. Farnham, Ashgate, 2011, pp. 27–39.
57. Kelmen R. Build to Last? The Durability of EU Federalism, in: Meunier S., McNamara K. (eds.). *Making History: State of the European Union*. Oxford, Oxford University Press, 2007, pp. 51–66.
58. Behr V. A unified and harmonised European law and its impact on third countries. *Baltiiskii region*, 2011, no. 3, pp. 13–24. (in Russ.).
59. Baca W.M.K. *The Principle of Mutual Recognition of Judicial Decisions in EU Law in the Light of the 'Full Faith and Credit' Clause of the US Constitution*. Available at: <http://www.comunidadandina.org/BDA/docs/CAN-INT-0061.pdf> (date of access: 21.12.2015).
60. Get'man-Pavlova I.V. *Private International law*. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 752 p. (in Russ.).
61. Gorywoda L., Hatzimihail N., Nuyts A. Introduction: Market Regulation, Judicial Cooperation and Collective Redress, in: Nuyts A., Hatzimihail N. (eds.). *Cross-Border Class Actions: The European Way*. Munich, Sellier European Law Publishers, 2013, pp. 1–58.
62. Mikhailova S.A. *Legal regulation of judicial cooperation in civil, commercial and family matters in the European Union*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2012. 25 p. (in Russ.).
63. Follesdal A., Hix S. Why There is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik. *Journal of Common Market Studies*, 2006, vol. 44(3), pp. 533–562.
64. Jano D. Understanding the "EU Democratic Deficit". A Two Dimension Concept on a Three Level-of-analysis. *Politikon: The IAPSS Journal of Political Science*, 2008, vol. 14(1), pp. 57–70.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Терехов Виктор Васильевич – кандидат юридических наук, магистр права Европейского Союза, преподаватель кафедры частного права Вильнюсский университет
LT-10222, Lithuania, Vilnius, Saulėtekio al., 9-I
e-mail: victor@law-faculty.net

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Victor V. Terekhov – PhD in Law, Master of European Union Law, lecturer, Department of Private Law
Vilnius University
9-I, Saulėtekio al., Vilnius, LT-10222, Lithuania
e-mail: victor@law-faculty.net

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Терехов В.В. Европейский гражданский процесс: текущий статус в правовой системе Европейского Союза и стран-участниц / В.В. Терехов // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 191–206. – DOI : 10.24147/2542-1514.2017.1(2).191-206.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Terekhov V. European civil procedure: current status within the legal system of the European Union and its member states. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 191–206. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(2).191-206. (In Russ.).